

Ирина Протопопова

Платон и Гуссерль. Рецензия на статью:

A. Kim, "Phenomenological Platonism: Husserl and Plato", in Id. (ed.), *Brill's Companion to German Platonism*, 271–298. Leiden; Boston: Brill, 2019

IRINA PROTOPOPOVA

PLATO AND HUSSERL. ARTICLE REVIEW:

A. Kim, "Phenomenological Platonism: Husserl and Plato", in Id. (ed.), *Brill's Companion to German Platonism*, 271–298. Leiden; Boston: Brill, 2019

АБСТРАКТ. Alan Kim's article considers Husserl's specific phenomenological Platonism, a rather innovative area of the comparative history of philosophy, not least due to Husserl's own criticism of "naive Platonism" that interprets Plato in the spirit of "metaphysical dualism". Still, Kim with good reason juxtaposes Husserl and Plato, since Husserl's own reading of Plato is quite different, and he even calls himself a Platonist. He attributes to Plato the ideal of metascience and, considering phenomenology as such, believes that Plato's *theory of forms* implements this ideal. Kim shows how Husserl's phenomenological Platonism manifests itself in the 1907 course of lectures *Ding und Raum* and in the book *Erfahrung und Urteil*, published in 1939. An impressive similarity is demonstrated when comparing the phenomenological method with the *anamnesis* from the *Phaedo* and the myth of the Cave from the *Republic*. Both Husserl and Plato enclose the natural attitude in brackets and ascend to the world of *eidē* as *a priori* conditions of consciousness. *Eidos* reveals itself as a model, in relation to which all its sensual incarnations look defective, i.e. just shadows. In conclusion, Kim identifies Husserl's key understanding of *eidē* as *rules* (*Wesensgesetze*). More precisely, *eidos* is the (only) universal rule, *F*, for creating an indefinite set of specific individual *f*'s, whether empirical or imaginary. Thus, Husserl's "Platonism" operates with a *functional* interpretation of *eidos*, and this is a kind of genetic idealism associated with Lotze and the neo-Kantian Natorp. For all three of them — Lotze, Natorp, and Husserl — Plato was not a Platonist in the usual metaphysical sense, and Husserl has read him as a *transcendental phenomenologist*.

KEYWORDS: Plato, Husserl, *eidos*, *anamnesis*, phenomenology, transcendentalism.

© И.А. Протопопова (Москва). plotinus70@gmail.com. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 15.2 (2021)

DOI: 10.25985/PI.15.2.13

Статья Алана Кима, под редакцией которого не так давно вышел сборник по немецкому платонизму¹, посвящена рассмотрению особого феноменологического платонизма Гуссерля. Это достаточно новаторская область сравнительной истории философии, что не в последнюю очередь обусловлено критикой Гуссерлем того, что сам он называет «наивным платонизмом». Таковому, считает Гуссерль, свойственны: 1) реалистическое приписывание отдельного существования эйдосам как субстанциям — то, что Гуссерль называет «статическим» платонизмом «гипостазированных» идей, и в чем он видит устаревший метафизический дуализм; 2) сопутствующая этому интеллектуальная интуиция, в которой *псюхэ* «видит» идеи как таковые — с точки зрения Гуссерля, такая интеллектуальная интуиция отдает мистицизмом. В письме к Brentano Гуссерль «подчеркивает полное неприятие всякой мистико-метафизической эксплуатации 'идей'» (Kim 2019: 273–274). Поскольку подобный «метафизический дуализм» в трактовках Платона до сих пор не до конца преодолен, а во времена Гуссерля был весьма распространенным типом интерпретации, подходы двух философов — феноменолога и «метафизика» — практически никто никогда не сравнивал.

Тем не менее, Ким на полном основании проводит сопоставление Гуссерля с Платоном. Дело в том, что вопреки «наивному платонизму» Гуссерль прочитывает Платона иначе, и более того — прямо называет себя платоником. В письме к исследователю Платона Юлиусу Стенцелю Гуссерль обозначает себя как «феноменологического платоника», который «бьется над платоновскими проблемами (и бился над ними задолго до того, как узнал самого Платона)» (Husserl 1994: 427–428). В чем же он видит сходство себя и Платона? Гуссерль говорит, что как «наука о науке и наука об объекте в его полной универсальности, феноменология в совершенстве реализует идеал платоновской диалектики» (Kim 2019: 294). Этот вид «абсолютной и рациональной науки» яв-

¹ В прошлом номере «Платоновских исследований» вышла рецензия на этот сборник: Blum 2021.

ляется феноменологической наукой, «т.е. наукой в полном смысле первоначальной идеи, как ее представлял себе Платон» (Kim 2019: 276). Итак, Гуссерль приписывает Платону идеал науки о науке и, считая таковой феноменологию, полагает, что платоновская теория идей как раз этот идеал реализует. Таким образом, для Гуссерля в Платоне главное — идеи, *эйдосы*.

Что такое эйдосы у Гуссерля? Как говорит Ким, после осуществления процедуры эпохэ, то есть заключения в скобки «естественной установки», созерцатель «усматривает» кристаллизованные формы сознания, которые Гуссерль вслед за Платоном называет эйдосами (Kim 2019: 272). Ким считает, что наиболее явно платонизм Гуссерля выражается в курсе лекций «Вещь и Пространство» (*Ding und Raum*, 1907) и в книге «Опыт и суждение» (*Erfahrung und Urteil*), опубликованной в 1939. Обе эти работы, по мнению Кима, обнаруживают платоновский дух гуссерлианского метода (Kim 2019: 282). В лекциях Гуссерль описывает, как мы воспринимаем, например, куб — не вещь полностью, а только ее отдельные конкретные грани и оттенки. Однако это не мешает нашему восприятию этого нечто как целого в его единстве именно как куба, хотя куб как таковой не дан нашему физическому взгляду. «Куб» может быть воспринят только интеллектом, рассматривающим чувственную феноменальность частных в их общей форме. То есть даже при созерцании чувственного объекта можно двигаться *эйдетически*, рассматривая взгляд как нечто отличное от непосредственных ощущений (Kim 2019: 282–283).

Алан Ким рассматривает «анамнесис» идеи равенства из платоновского «Федона» как параллельный гуссерлианскому эйдосу (Kim 2019: 285–287). Вспомним, что сказано у Платона в «Федоне». В так называемом втором аргументе Сократ приводит в пример равные бревна и камни и говорит, что кроме них самих, видимых глазами, мы знаем и о том, что от них *отличается*, что есть *иное* по отношению к ним — это «равное само по себе» (*Phd.* 74b). Его мы не видим, не слышим, не осязаем, никак чувственно не воспринимаем, и тем не менее именно оно дает возможность воспри-

нимать вещи как равные. Более того, мы изначально исходим из того, что такое равенство само по себе есть некая полнота и совершенство, которой никогда не достигнут вещи чувственные:

Ну, стало быть, мы непременно должны знать равное само по себе еще до того, как впервые увидим равные предметы и уразумеем, что все они стремятся быть такими же, как равное само по себе, но полностью этого не достигают (*Phd.* 75a).

Это не обобщение чувственных данных — мы уже с самого начала можем воспринимать вещи как равные благодаря *эйдосу* равенства, как бы «встроенному» в наше сознание. Это то, что можно назвать *априорными* условиями схватывания чувственной реальности, или *трансцендентальным* условием сознания. Однако тут налицо герменевтический круг — будучи изначально обусловлены эйдосами, мы восходим к ним *от* чувственных реальностей, при этом отрешаясь от последних. Чтобы подняться до восприятия трансцендентального уровня, необходимо, по Платону, откатиться в созерцании от всего чувственного.

А очищение — не в том ли оно состоит, чтобы как можно тщательнее отрешать душу от тела, приучать ее собираться из всех его частей, сосредоточиваться самой по себе и жить, насколько возможно, — и сейчас, и в будущем — наедине с собою, освободившись от тела, как от оков? (*Phd.* 67c6–d2).

Ким, трактуя эту параллель, говорит, что вместо того, чтобы понимать эйдос просто как эмпирическую абстракцию множества сходных вещей, и Гуссерль, и Платон рисуют гораздо более сложную картину. И Гуссерль, и Платон *закljučают естественную установку в скобки*, совершают *эпохэ* (Kim 2019: 287). У Платона в «Федоне» совершающий эту процедуру описан так:

тот, кто подходит к каждой вещи средствами одной лишь мысли (насколько это возможно), не привлекая в ходе размышления ни зрения, ни иного какого чувства и ни единого из них не беря

в спутники рассудку, кто пытается уловить любую из сторон бытия саму по себе, во всей ее чистоте, вооруженный лишь мыслью самой по себе, тоже вполне чистой, и отрешившись как можно полнее от собственных глаз, ушей и, вообще говоря, от всего своего тела <...> Разве не такой человек, Симмий, больше всех преуспеет в исследовании бытия? (*Phd.* 65e–66a)

По Гуссерлю, интуитивно понять эйдос — значит «схватить», что такое данное *f*, то есть означает схватывание или «усмотрение» его сущности. Тогда знание как видение сущности может показаться простым делом. И в некотором смысле так оно и есть — при условии, что *разум свободен от фактических помех*. Таким образом, для Гуссерля феноменологический метод — это процесс, посредством которого могут быть достигнуты эйдетические интуиции путем очищения разума от фактических интенций и с помощью направления его исключительно на сущностное; процесс, напоминающий диалектическое очищение души, которое Платон называет *анамнесисом*.

Еще пример, приводимый Кимом относительно схватывания эйдосов, — это метод «свободного варьирования»: Гуссерль предлагает, начиная с произвольно выбранного эмпирического примера, освободить его от презумпции реальности, рассматривая его исключительно как феноменологический пример или случай. Теперь он может служить отправной точкой для «создания открытого бесконечного множества вариантов». Держа это воображаемое многообразие перед умом, вы обязательно увидите «единство [*Einheit*]», «инвариант, сохраняющийся как необходимая универсальная форма», без которого ни один из изначально выбранных «примеров такого рода совершенно не будет мыслим». Это «универсальная сущность», «эйдос, *ιδέα* в Платоновском смысле, но чистая и свободная от всех метафизических интерпретаций» (Kim 2019: 288). Короче говоря, мы переходим от произвольной парадигмы (*Vorbild*) через произвольно варьируемые копии (*Nachbilder*) к инвариантному эйдосу, раскрывающему себя как подлинный трансцендентальный принцип. Эйдос для Гуссерля — это закон для частных, конституирующий бы-

тие его фактических экземпляров или «случаев», это трансцендентальное условие сознания (Kim 2019: 288–290).

Ким, на наш взгляд, вполне продуктивно сопоставляет феноменологический метод с платоновским мифом о пещере из «Государства», видя в нем удивительную параллель между подходами Платона и Гуссерля (Kim 2004²). Когда узник в пещере впервые поворачивает голову, освобождаясь от оков, нарушается *естественная установка* — он теперь отличает *тени* как чисто феноменальную данность от проносимых сзади *вещей*. Радикальный поворот узника равнозначен тому, что Гуссерль называет «феноменологически-трансцендентальной редукцией»: «феноменологической», поскольку кажущаяся реальность теней «заключена в скобки», так что обыденная жизнь теперь кажется просто видимостью; «трансцендентальной», поскольку ум обращен к онтологическим условиям этих (простых) видимостей. И это «редукция» в двойном смысле: во-первых, посредством оставления «пространственно-временной реальности», принимаемой и разделяемой со всеми другими людьми, разум обращается к условиям своего априорного опыта; во-вторых, этот априорный опыт как бы «выкипает», его условия «выпарены в чистый концентрат» — а это и есть эйдосы.

Таким образом, восхождение освобожденного (но еще не настоящему свободному) узника в царство эйдосов, то есть из пещеры на свет, соответствует гуссерлевскому переходу от первоначальной феноменологически-трансцендентальной редукции к самоочевидной аподиктичности эйдетической интуиции. Пока тени на стене (явления нормального опыта) могут быть объяснены ссылкой на их оригиналы в пещере, то есть все еще в реалистических терминах естественной установки, такое объяснение всегда будет привязано к гипотезам и поэтому останется *доксой*. Напротив, *эпохэ* раскрывает «особый и уникальный регион бытия» — это царство сознания, так называемого *трансцендентального эго*.

² Ср. также Kim 2010.

Что означает этот таинственный термин и в каком смысле он является «царством совершенной свободы»? Трансцендентальная сфера определяет основу возможности всей действительности; это то, что *обуславливает*, а не то, что *обусловлено*. Следовательно, знание этой области является абсолютным, а не относительным, и «объекты» и «структуры», которые воспринимает самосозерцающее эго, с необходимостью также должны быть абсолютными. Таким образом, это и есть *эйдосы* Платона, соотносящиеся с теми вещами, которые узник видел в пещере; в терминах Гуссерля, это сущности, которые эго в естественной установке осознает как вещи в реальном пространственно-временном мире.

Эйдосы, по Гуссерлю, — это чистый логический «остаток», выявленный с помощью *эпохэ*; это умопостигаемые значения, которые всегда были заложены в моем чувственном схватывании феномена как реальной вещи, но которые были, так сказать, затемнены блеском «реальности». Таким образом, обращение Гуссерля к сознанию может быть истолковано по Платону как внутреннее обращение души к самой себе, открывающее «феноменологический мир» — «неизвестный, действительно невообразимый» для всех тех, кто попал в ловушку естественного отношения (Kim 2019: 276–280).

Как видим, тут действительно заметно значительное сходство. И Гуссерль, и Платон заключают естественную установку в скобки и восходят к миру эйдосов как априорных условий сознания. Как говорит Ким, пересказывая Гуссерля, эйдос раскрывает себя как образец, по отношению к которому его чувственные воплощения выглядят дефектными, то есть просто тенями. Следовательно, эйдос — это не бледная абстракция, бескровный призрак полного чувственного явления, а конститутивное, порождающее, трансцендентальное условие всего чувственного.

В заключение Ким фиксирует ключевое понимание Гуссерлем эйдосов (*eidē*) как *правил* (*Wesensgesetze*). Точнее, эйдос — это (единственное) универсальное правило, *F*, для создания неопределенного множества конкретных индивидуальных *f*, будь то

эмпирических или воображаемых. Таким образом, «платонизм» Гуссерля оперирует *функциональной* интерпретацией эйдоса, это вид генетического идеализма, связанный с Лотце и неокантианцем Наторпом. Для всех троих — Лотце, Наторпа и Гуссерля — Платон не был платоником в обычном метафизическом смысле, и Гуссерль прочитывал его как *трансцендентального феноменолога* (Kim 2019: 294-296).

Завершая наш краткий обзор, подчеркнем, что сопоставление Кимом Гуссерля и Платона весьма плодотворно не только для изучения истории философии, но и для дальнейших исследований в области трансцендентальной феноменологии.

Литература

- Blum, P.R. (2021), “German Platonism. Book review: Alan Kim (ed.), *Brill’s Companion to German Platonism*. Leiden; Boston: Brill, 2019”, *Platonic Investigations* 14.1: 303–313.
- Husserl, E. (1994), “Philosophenbriefe”, in E. Schuhmann, K. Schuhmann (eds.), *Edmund Husserl. Briefwechsel. Husserliana-Dokumente* 3.6. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, etc.
- Kim, A. (2004), “Shades of Truth: Phenomenological Perspectives on the Allegory of the Cave”, *Idealistic Studies* 34.1: 1–24.
- Kim, A. (2010), *Plato in Germany: Kant — Natorp — Heidegger*. Sankt Augustin: Academia.
- Kim, A. (2019), “Phenomenological Platonism: Husserl and Plato”, in A. Kim (ed.), *Brill’s Companion to German Platonism*, 271–298. Leiden; Boston: Brill.